

Тайный советник

Автор:

Валентин Пикуль

Тайный советник

Валентин Саввич Пикуль

Тайный советник #5

«...Перед началом лекции Ландовский был окружен титулованными студентами: графом Толстым и сразу тремя князьями – Оболенским, Голицыным и Лобановым-Ростовским. Эти господа загнали Ландовского в угол, каждый из четырех счел своим высоким гражданским долгом отвесить ему оплеуху. При этом аристократы изволили говорить:

– Если тебе, мерзавец, приятно быть в роли племянника нашего декана, то не думай, что твоя рожа застрахована от пощечин... Князь, ваша очередь. Граф, добавьте ему!

Эти речи услышал сам И. И. Давыдов, как раз входящий в аудиторию для прочтения лекции на тему о благе познания отечественной словесности. Один граф и три князя бестолково, но все же доходчиво объяснили профессору, что будут бить Ландовского каждый день, пока из карцера не будет выпущен бедный и умный студент Каэтан Коссович...»

Валентин Пикуль

Тайный советник

В славном и древнейшем граде Полоцке, что поминался еще в скандинавских сагах, каждую субботу начиналось повальное сечение всех учащих – от мала

до велика.

Чаще всего – в алфавитном порядке.

Секли в православной гимназии – за грехи тяжкие, секли в семинарии монахов-приаров – в поощрение, секли в духовной коллегии базильянцев – ради взбодрения духа. Разница заключалась только в том, что наказания «благородных» отпрысков регистрировались в особом журнале (для учета их успеваемости), а простых смертных лупили безо всякой записи, бухгалтерским учетом явно пренебрегая... Ну и вой же стоял в городе по субботам, визг и писк струился из обителей просвещения, а горожане Полоцка, мудро учености избежавшие, знай себе только посмеивались:

– Эва! В науку вгоняют. Так им и надобно – не лезь, куда не просят. И без того умников хватает...

Это еще не все, читатель, ты напрасно успокоился. Получив положенное от казенной школы, зареванные гимназисты, будущие ксендзы и униаты возвращались по домам, а там – о, Боже! – родители уже поджидали их с розгами, ремнями и прутьями:

– Суббота! Таков порядок. Раздевайся и ложись...

Наивный советский читатель сразу решит, что в таких условиях лучше оставаться круглым сиротой, дабы избежать домашних уроков. Ошибаетесь! Все сироты в Полоцке были распределены по квартирам – «конвиктам», а при каждой квартире состоял уполномоченный – «префект», который по субботам был обязан исполнять роль отсутствующих родителей... Так что, читатель, как ни крутись, от судьбы все равно не уйдешь.

Один из таких учебно-просветительских «конвиктов» находился в доме мещанина Добкевича, а «префектом» при нем состоял неумолимый Генрих Бринк, педагог-математик, в свободное время неустанно игравший на гитаре, ибо в Полоцке он считался неотразимым кавалером. Вот тут-то, читатель, и начинается самое интересное – прямо дух захватывает...

Нашего Маркса звали Максимилианом Осиповичем, и если кто из вас не знает его, то рекомендую перелистать герценовский «Колокол» – там о нем сказано немало, ибо вышеозначенный Маркс привлекался к суду по каракозовскому процессу 1866 года.

1883 год застал несчастного Маркса ссыльным в городе Енисейске, и, слушая завывание вьюги, он с женою Леокадией вспоминал юность, проведенную в Полоцке. Леокадия же была дочерью того самого домовладельца Добкевича, который сдавал внаем квартиру для Бринка и его «конвикта». Вспоминая счастливую юность, Маркс писал об этом Бринке, что он «перепробовал розги, плетку, тройчатку и даже ременную пятихвостку» на своем самом бездарном ученике, которому математика никак не давалась.

Этим учеником был Каэтан Коссович, сын очень бедного священника из убогой белорусской деревушки. Неуклюжий и не всегда опрятный, он выделялся среди товарищей небывало крупною головой, учился отлично по всем предметам, кроме математики. Каэтан и сам бы хотел познать, почему, допустим, x равен игреку, но даже в детской арифметике он мало что смыслил и своему однокашнику Марксу говорил со слезами:

– Спаси меня, научи! Десять без трех – понимаю, а вот как появится семерка, я сразу делаюсь дурак дураком...

О цифре 7 Маркс вспоминал, что для Каэтана она имела какое-то роковое значение: «Никак он с этой цифрой не мог поладить, как будто у него для этого числа не хватало в мозгу особенного органа». А грозный Бринк, отложив гитару, сразу брался за плетку, избивая Коссовича столь жестоко, что на крики мальчика сбегались Добкевич и его дочь Леокадия.

– Как вам не стыдно? – кричала девочка, сама плачущая.

Здесь я скажу, что ученики постоянно держали Бринка под негласным наблюдением, следя за ним через замочную скважину. Однажды «префект» играл на гитаре и вдруг... Вдруг он задумался, внимательно изучая толстую басовую струну. Бринк снял эту струну с гитарной деки и стал сильно хлестать ею по краю стола, присматриваясь, какие глубокие шрамы остаются на доске. Ученики с ужасом догадались, что ожидает их в ближайшую субботу, а бедный Каэтан заранее стал плакать... Тут к ним подошла Леокадия, дочка хозяина

дома, девочка понятливая. Стоило Бринку удалиться, она сразу вошла в его комнату и щипцами-кусачками перерезала все басовые струны.

Вот и суббота! Бринк ласково и душевно провозгласил:

– Каэтан Коссович, ну-ка... приближайтесь ко мне.

Но увидел, что карательное средство, заранее им облюбванное в мечтах о субботе, искромсано в куски.

Под ударами плети «префекта» ученики сознались, что их разрезала дочка домовладельца. Бринк выскочил на двор, где резвилась девочка, и стал ее лупцевать, а на крик дочери выскочил Добкевич и, успешно прибегнув к помощи русских выражений, сразу поверг «префекта» в бегство. После чего, воодушевленный победой, он как следует всыпал еще и дочери Леокадии.

– Вот тебе, вот тебе! – приговаривал. – Кормят тебя, поят, одевают, чего еще надо? Не суйся не в свои дела...

Настал 1818 год – грозный для всех учеников Полоцка!

Господи, спаси и вразуми ты нас, грешных...

Коссович и Маркс учились в униатской школе пиаров, но в 1828 году эти школы были закрыты, и все желавшие учиться далее перебрались в Витебск. Маркс, из семьи обеспеченной, отъехал на телеге, а Коссович, босой и голодный, пришел в Витебск пешком. В гимназии его спросили:

– Скажите, а форменный мундир у вас имеется? – Не было у него мундира, не было и куска хлеба. – В таком случае, извините, для вас места в гимназии не сыщется. Всего доброго...

Коссович поступил в школу базильянцев, где мундира не требовалось. Он устроился на частной квартире у местного еврея-трактирщика, снимая жалкую каморку под крышей – без печки, был один тюфяк на полу, одна табуретка и жалкое подобие стола. Хозяин на первом этаже торговал водкой, а в каморке

жильца он держал шкаф с книгами на древнееврейском языке. Коссович голодал, иногда лишь угощая себя картошкой с солью и селедкой с хлебом. Чай он пил лишь в те дни, когда навещал товарищей, более состоятельных. Каэтан сильно мерз по ночам, и еврей, сочувствуя ему, топором пробил дыру в своем потолке, чтобы в каморку проникал теплый воздух его жилья...

Маркс убеждал приятеля наняться гувернером в какое-либо витебское семейство, чтобы не умереть с голоду и не совсем запаршиветь в нужде, на что Коссович отвечал ему:

– Да, согласен, неплохо бы подкормиться мясным бульоном, но... когда же учиться? Я ведь слеплен из иной глины, и мне программ не хватает, я должен знать больше всех...

Он уже давно овладел латынью и греческим, а по книгам своего хозяина скоро самоучкой освоил еврейский и древнееврейский языки. Узнав об этом, витебские евреи разом всполошились и всем кагалом увлекли его в синагогу, где раввин устроил Коссовичу экзамен, тоже удивляясь тому, как этот нищий белорус самоучкой достиг таких знаний.

– То, что ты не освоил семерки, это понятно, ибо в цифре 7 заключен особый смысл. Ну-ка, встань ближе к свету... Евреи, смотрите, какая у него голова. Вай-вай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/pikul-_valentin/taynyy-sovetnik

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)